

Звезды
НОВОЙ
ФАНТЕЗИ

ХРОНИКИ ЧЕРНОГО ОТРЯДА

Черный Отряд
Замок Теней
Белая Роза

КНИГИ ЮГА ХРОНИКИ ЧЕРНОГО ОТРЯДА

Игра Теней
Стальные сны
Серебряный клин

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЕРНОГО ОТРЯДА

Суровые времена
Тьма

КНИГИ МЕРТВЫХ ХРОНИКИ ЧЕРНОГО ОТРЯДА

Воды спят
Солдаты живут

ГЛЕН КУК

К·Н·И·Г·И
МЕРТВЫХ

ХРОНИКИ ЧЕРНОГО ОТРЯДА

• ВОДЫ СПЯТ •
• СОЛДАТЫ ЖИВУТ •

Азбука
Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
К 89

Glen Cook
THE MANY DEATHS OF THE BLACK COMPANY:
WATER SLEEPS
SOLDIERS LIVE
Copyright © 2009 by Glen Cook
All rights reserved

Перевод с английского
Беллы Жужунавы и Андрея Новикова

Серийное оформление и оформление обложки
Виктории Манацковой

Иллюстрация на заставке Владимира Гусакова

ISBN 978-5-389-11481-4

© Б. М. Жужунава (наследник), перевод, 2000
© А. Новиков, перевод, 2000
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

ВОДЫ СПЯТ

*Джону Ферраро и всем замечательным утятам.
Это была славная вечеринка*

В те дни Черного Отряда не существовало. Его гибель была провозглашена соответствующими законами и указами.

Но я-то себя несуществующим не ощущал.

Знамя Отряда, его Капитан и Лейтенант, его знаменосец и все остальные, благодаря кому Отряд внушал такой ужас, сгнули, заживо похороненные посреди огромной каменной пустыни.

— Плато Блισταющих Камней, — шептали люди на улицах и в переулках Таглиоса.

— Ушли в Хатовар, — утверждали власть имущие, желая обратить то, чему они столь упорно препятствовали, в свою великую победу.

Кто-то на самом верху — может, Радиша, а может, Протектор — решил внушить народу, будто Черный Отряд исполнил свое предназначение.

Однако те, кому было достаточно лет, чтобы помнить Отряд, прекрасно все понимали. Только пятьдесят человек рискнули отправиться на плато Блισταющих Камней, причем половина из них не принадлежала к Отряду. И лишь трое из пятидесяти вернулись. Двое принесли ложную версию случившегося там. Третий мог бы рассказать правду, но он погиб на одной из Кьяулунских войн, далеко от столицы.

Все же уловки Душелов и Плетеного Лебеда никого не ввели в заблуждение — ни тогда, ни сейчас. Люди просто притворялись, что верят, — так было безопаснее.

Они могли бы спросить, почему Могаве понадобилось целых пять лет, чтобы победить Отряд, которого якобы уже не существовало, и загубить тысячи молодых жизней, чтобы привести Кьяулунские территории под власть Радиши, в царство искаженных истин

Протектора. А еще они могли бы сослаться на незатухающие разговоры о том, будто Черный Отряд удерживал крепость Вершину на протяжении нескольких лет уже после своего исчезновения, пока его непоколебимая стойкость не вывела из себя Душелов, после чего та, не пожалев ни сил, ни самых мощных чар, превратила огромную крепость в белую пыль, белую гальку, белые кости.

Да, люди могли бы задать все эти вопросы, но вместо этого хранили молчание. Они боялись. И небеспричинно.

Таглиосская империя под протекторатом — это империя страха.

Однажды, в годы открытого неповиновения, некий герой, оставшийся неизвестным, заслужил вечную ненависть Душелов, запечатав Врата Теней, единственный путь, что вел на плато Блистающих Камней. Из ныне здравствующих Душелов была самой могущественной колдуньей. Став Хозяйкой Теней, она затмила монстров, которых когда-то поверг Отряд, защищая Таглиос. Но тот, кто наглухо запер Врата Теней, лишил ее возможности вызвать себе на подмогу самые смертоносные Тени. В ее распоряжении осталась лишь жалкая горстка тварей — те, которые были с ней, когда она заманила Отряд в роковую ловушку.

О да, она смогла бы распечатать Врата Теней. Один раз. Но Душелов понятия не имела, как закрыть их снова. Открой она Врата — и мир окажется во власти чудовищ, вырвавшихся на свободу.

Это означало, что Душелов должна выбирать одно из двух: или все, или почти ничего. Обречь мир на гибель — или довольствоваться тем, что имеешь.

Пока что она предпочитает второе, хоть и ищет без усталости выход из тупика. Она Протектор. Империя трепещет перед ней. Никто не смеет бросить вызов ее террору. Но даже она понимает, что этот век мрачного согласия не может длиться бесконечно.

Воды спят.

В домах, в тенистых переулках, в десяти тысячах храмов не смолкает нервный шепоток: *Год Черепов. Год Черепов*. Боги живы, и даже те, которые спят, беспокойно ворочаются во сне.

В домах, в тенистых переулках, на пшеничных полях и топких рисовых чеках, на пастбищах, в лесах, в вассальных странах всякий раз, когда в небе появляется комета, или внезапно разразившаяся буря несет гибель и разорение или, в особенности, когда случается землетрясение, люди бормочут: «Воды спят». И содрогаются от страха.

Меня прозвали Дремой. Еще ребенком при каждом удобном случае, будь то днем или ночью, я убегала от ужасов моего детства в уют грез и кошмаров. В любое время, когда не нужно было работать, я пряталась в тихой гавани, там, куда зло не могло до меня добраться. Я не знала более безопасного места до тех пор, пока Черный Отряд не пришел в Джайкур.

Братья ругали меня за чрезмерную сонливость, им не нравилась моя способность засыпать в любых обстоятельствах. Они не понимали. Они умерли, так ничего и не поняв. А я все спала. На протяжении нескольких лет, уже находясь в Отряде, полностью не пробуждалась никогда.

Теперь я пишу Анналы. Надо же продолжать это дело — а кто еще для него годен, кроме меня? Хотя звание летописца не присваивалось мне официально.

Но ведь прецедент существует.

Книги надо писать. Истина должна быть увековечена, даже если судьба распорядится так, что ни один человек не прочтет начертанных мною слов. Анналы — душа Черного Отряда. Они напоминают о том, кто мы есть. И кем были. О том, что мы продолжаем существовать. И что никакое вероломство — а мы не в первый раз сталкиваемся с ним — не высосет из нас всей крови до последней капли.

Нас больше нет на свете. Об этом твердит Протектор. Ей с жаром вторит Радиша. Могаба, могущественный генерал, увешанный бесчисленными наградами за грязные дела, глумится над нашей памятью и плюет на наше имя. Люди на улицах говорят, что мы — всего лишь преследующие их злые воспоминания. Но только Душелов не озирается то и дело по сторонам и не чувствует, как нечто загадочно-опасное набирает силу.

Мы упрямые призраки. Мы не отступимся, не прекратим охоту. Уже много лет мы сидим тихо, как мыши, но враги боятся нас. Оттого что наше имя произносится шепотом, их вина не становится меньше.

Они и должны бояться.

Каждый день где-нибудь в Таглиосе на стене появляются слова, написанные мелом, или краской, или даже кровью животного. Просто мягкое напоминание: «Воды спят».

Все знают смысл этих слов. И еле слышно повторяют их, понимая, что где-то затаился враг, не ведающий покоя, как ток подземной реки. Этот враг когда-нибудь выберется из своей могилы и нанесет удар тем, кто сделал ставку на предательство. Они знают, что нет силы, способной это предотвратить. Их предупреждали десять тысяч раз, но они все же поддались искушению. И теперь никакое зло не сможет защитить их.

Мобаба боится.

Радиша боится.

Плетеный Лебедь боится так сильно, что у него все валится из рук. В точности как у колдуна Копченого, которого он сам когда-то изводил, обвиняя в трусости. Лебедь познакомился с Отрядом еще на севере, задолго до того, как здешний люд понял, что мы нечто большее, чем мрачное напоминание о древнем ужасе. И с годами страх Лебеда нисколько не ослабел.

Боится Пурохита Друппада.

Боится главный инспектор учета Гокле.

Не боится только Протектор. Душелов вообще ничего не боится. Ей сам черт не брат, она смеется в лицо любой опасности. Она будет смеяться и отпускать шуточки даже на костре.

Это бесстрашие заставляет ее приспешников тревожиться еще пуще. Они знают: случись беда, Душелов погонит их перед собой, прямо в скрежещущие челюсти рока.

Время от времени на стенах будет появляться и другое сообщение, куда конкретнее первого: «Их дни сочтены».

Я каждый день бываю на улицах. Иду на работу, подслушиваю, подсматриваю, ловлю слухи или распускаю собственные в безликой толпе завсегдаев Чор-Багана, Воровского сада, который даже серые пока не смогли уничтожить. Прежде я маскировалась под шлюху, но это, как оказалось, слишком опасно. Здесь хватает людей, по сравнению с которыми Протектор — сущий образец здравомыслия. Миру исключительно повезло, что судьба не дает этим извращенцам достаточной власти, а то бы они с удовольствием вывернули наизнанку свои психозы.

Обычно я выгляжу как парень, и к этой личине давным-давно успела привыкнуть. С тех пор как отбушевали войны, молодых бродяг кругом полно.

Чем нелепее новый слух, тем быстрее он разлетается за пределы Чор-Багана и тем сильнее терзает нервы врагу. В Таглиосе должна всегда царить атмосфера мрачного ожидания. И наша задача — неустанно поддерживать ее соответствующими предзнаменованиями и пророчествами.

Время от времени, в моменты просветления, Протектор устраивает охоту на нас, но пыла ей хватает ненадолго. Она не способна сосредоточиться на чем-то одном. Да и с чего бы ей беспокоиться? Нас больше нет, мы мертвы. Душелов сама заявила об этом — значит, так оно и есть. Как Протектор, она является единственным законодателем реальности на всей территории Таглиосской империи.

Но!

Воды спят.

Сейчас Отряд держится на женщине, которая формально никогда не входила в него. Кы Сари — ведунья и жена того, кто до меня вел Анналы, Мургена знаменосца. Умная женщина с волей, подобной отточенному клинку. С ней считаются Гоблин и Одноглазый. Запугать ее невозможно, это никогда не удавалось даже лукавому старику, дядюшке Дою. Она боится Протектора, Радиши и серых не больше, чем капусты на грядке. Злоба отъявленных негодяев, таких как служители смертоносного культа обманников с их мессией Дщерью Ночи и богиней Киной, тоже Сари нипочем. Она заглянула в самое сердце Тьмы, чьи тайны больше не внушают ей страха.

Только одно существо на свете заставляет Сари трепетать. Это ее мать Кы Гота, воплощенное недовольство всем и вся. Горестные жалобы и упреки этой бабищи несут в себе такой мощный заряд, что поневоле задумаешься, уж не аватар ли она некоего капризного древнего божества, пока еще неизвестного людям.

Никто не жалуется Кы Готу, за исключением Одноглазого. Но даже он за глаза величает ее Троллихой.

Сари вздрогнула, когда мать медленно заковыляла через комнату, где тотчас воцарилась тишина. С тех пор как для нас наступили нелегкие времена, одни и те же помещения приходилось использовать для разных целей. Совсем недавно эта комната была битком набита людьми, которые просто отдыхали. Некоторые — из Отряда, а в основном те, кто работает у Бань До Транга. Все мы не сводили глаз со старухи, от всей души желая ей поторопиться. И не менее страстно желая, чтобы ей не пришлось в голову воспользоваться тишиной для общения.

Старый и больной До Транг, прикованный к креслу на колесах, подкатился к Кы Готе — вероятно, хотел выразить ей сочувствие и тем самым воспрепятствовать ее продвижению.

Такого не бывало, чтобы присутствию Кы Готы кто-нибудь радовался.

В этот раз самопожертвование До Транга оказалось ненапряжным. Правда, Гота испытывала сильнейший дискомфорт, лишившись возможности адресовать гневную обличительную речь всем, кто моложе ее.

Молчание продолжалось до тех пор, пока не вернулся старый купец. Ему принадлежал этот дом, который нам было позволено использовать как штаб-квартиру. Ничем нам не обязанный, До Транг тем не менее делил с нами опасности — поскольку был неравнодушен к Сари. При решении любой проблемы мы прислушивались к его мнению и учитывали его желания.

Вскоре До Транг с утомленным видом прикатил обратно. Казалось чудом, что этот доходяга, весь покрытый печеночными пятнами, способен самостоятельно ездить в кресле.

До Транг был дряхл, но в его глазах горел неукротимый огонь. Он редко вмешивался в разговор, разве что кто-нибудь молот уж совсем несусветную чушь. Замечательный старик.

— Все готово, — сказала Сари. — Каждый этап, каждая деталь проверены и перепроверены. Гоблин и Одноглазый трезвы как стекло. Пришло время Отряду заявить о себе. — Она прошлась взглядом по лицам, предлагая высказываться.

Я не считала, что время пришло. Но я уже выразила свое мнение, когда составляли план. И проиграла голосование. Пришлось напрячь волю, чтобы совладать с досадой.

Поскольку новых возражений не последовало, Сари продолжала:
— Ну что же. Приступаем к первому этапу.

Она махнула рукой сыну. Тобо кивнул и выскользнул из комнаты.

Он был тощим, взъерошенным, пронирыливым юнцом. И принадлежал к племени нюень бао, а они, как всем известно, по натуре ловкачи и жулики. Следовательно, за его руками приходилось постоянно наблюдать. Но кто бы ни наблюдал, он не вникал в то, что делает парень, когда его лапки не тянутся к свисающему с пояса кошельку или к ценному товару на прилавке. Люди не высматривают того, чего не ждут.

Мальчик держал руки за спиной, и таким он не вызывал опасений. Никто не замечал маленьких бесцветных шариков, которые он прикреплял, прислоняясь ко всем стенам подряд.

Дети гуннитов смотрели на него во все глаза. Очень уж необычно выглядел этот иноземец в черной одежде, похожей на пижаму. Но никакой враждебности они не проявляли. Гунниты народ миролюбивый, своих чад приучают к вежливости. Иное дело — дети шадаритов, этих воспитывают суровее. В основе их религии философия воина.

Юные шадариты решили хорошенько проучить вора. Конечно, он вор! Всем известно, что нюень бао — воры.

Взрослый шадарит постарше отозвал детей. Пусть воришкой занимаются те, кому положено. Религии шадаритов не чужда бюрократическая упорядоченность.

Даже столь малое нарушение порядка привлекло внимание тех, кому этот порядок было доверено блюсти. Трое долговязых бородачей в серых балахонах и белых тюрбанах двинулись сквозь толпу. Они бдительно озирались, явно считая вполне нормальным то, что постоянно находятся на островке свободного пространства. Улицы Таглиоса забиты народом и днем и ночью, однако люди каким-то образом ухитряются держаться в сторонке от серых. У всех блюстителей суровый взгляд, — должно быть, на эту службу берут только тех, кому чужды терпение и сострадание.

Тобо уже лавировал в толпе — так черная змея скользит среди болотных камышей. К тому моменту, когда серые стали выяснять причину инцидента, мальчик уже исчез, и никто не смог сообщить его точные приметы. Стражи порядка услышали только допущения, основанные на предвзвесах. Нюень бао — воры; их засилье — сущее бедствие для таглиосцев. Несчастливая столица с некоторых пор набита пришлыми — кого тут только нет! Бездельники, юродивые и прохиндеи стекаются сюда со всех концов империи. С каждым поколением население города утраивается. Несмотря на жестокие и умелые действия серых, в Таглиосе царит хаос, город давно превратился в гиблое болото, в преисподнюю, чей огонь подпитывается нищетой и отчаянием.

Нищеты и отчаяния тут избыток, но дворец не дает мятежам пустить корни. Власти предрезающие научились мастерски вынюхивать секреты. У профессиональных преступников век здесь короток, как и у большинства тех, кто пытается устраивать заговоры против Радиши или Протектора. В особенности против Протектора, которая в грош не ставит чужую жизнь.

Во времена не столь уж отдаленные интриги и заговоры цвели махровым цветом и своими миазмами отравляли жизнь без преуве-

личения всем жителям Таглиоса. Но это почти изжито. Как и все, что не нравится Протектору. А понравиться ей страстно желает большинство таглиосцев. Даже жречество старается не привлекать к себе недобрый взгляд Душелов. В какой-то момент мальчишка в черной пижаме исчез, а на его месте возник такой же, но в гуннитской набедренной повязке, до этого скрывавшейся под одеждой. С виду обычный городской юнец, разве что с желтоватым оттенком кожи. Ему ничто не угрожало. Он вырос в Таглиосе и говорил без малейшего акцента, который мог бы выдать его.

Любой серьезной акции предшествует период ожидания и тишины. Делать мне было нечего. Я могла бы расслабиться и сыграть в тонк или просто понаблюдать за тем, как Одноглазый и Гоблин пытаются обжулить друг друга. Вдобавок у меня был писчий спазм, мешающий работать над Анналами.

— Тобо! — позвала я. — Хочешь сходить и посмотреть, как это произойдет?

Тобо четырнадцать лет, он у нас самый младший. Вырос в Черном Отряде. Все, что свойственно юности — азарт, нетерпеливость, абсолютная вера в собственное бессмертие и божественное освобождение от наказаний, — было отмерено ему полной мерой. Задания, которые поручали мальчишке в Отряде, доставляли ему истинное наслаждение. Своего отца он не знал и крайне слабо представлял себе, что это был за человек. Мы немало потрудились над его воспитанием, стараясь не разбаловать ребенка, однако Гоблин упорно обращался с ним как с любимым сыном. И даже пытался наставлять.

Гоблин владеет письменным таглиосским хуже, чем ему кажется. В бытовом языке сотня букв, еще сорок — у жрецов, которые пишут высоким стилем, а это, можно сказать, второй язык — формальный, письменный. Анналы я пишу на смеси того и другого.

С тех пор как Тобо выучил буквы, «дядя» Гоблин заставляет его читать вслух все подряд.

— Дрема, может, я еще «катышков» прилеплю? Мама считает: чем больше их будет, тем скорее это привлечет внимание дворца.

Меня удивило, что он обсуждал с Сари этот вопрос. У мальчишек в его возрасте отношения с родителями трудные. Он постоянно грубил матери. Он бы хамил и дерзил еще пуще, если бы судьба не

одарила его таким множеством «дядей», которые не желали мириться с подобным поведением. Естественно, Тобо все это воспринимал как грандиозный заговор взрослых. На людях он был само упрямство, при общении же с глазу на глаз поддавался доводам разума — если собеседник вел себя деликатно и если это была не мать.

— Несколько штук, пожалуй, лишними не будут. Но уже скоро стемнеет — и начнется представление.

— Кем мы будем на этот раз? Мне не нравится, когда ты изображаешь шлюху.

— Беспризорниками.

Хотя это тоже рискованно. Можно угодить под насильственную вербовку отправиться в армию Могабы. Положение у его солдат сейчас немногим лучше, чем у рабов, дисциплина там свирепая. Многие из этих несчастных — мелкие преступники, которым был предоставлен выбор: или не знающее снисхождения правосудие, или военная служба. Остальные — дети бедняков, которым просто некуда больше податься.

Таковы все профессиональные армии. Мурген это понял далеко на севере, задолго до знакомства со мной.

— Почему ты всегда так заботишься о маскировке?

— Если не показываться дважды в одном и том же облике, наши враги не будут знать, кого им искать. Нельзя их недооценивать. В особенности Протектора. Ей не раз удавалось перехитрить саму смерть.

Тобо еще не созрел для того, чтобы поверить в это, так же как и во многое другое из нашей экзотической истории. Он совсем неплохой ребенок, уж точно лучше многих, но на этом этапе взросления человек уверен: он уже знает все, что полезно знать, а слова старших, и тем более поучения, можно смело пропускать мимо ушей. Тобо не смог бы вести себя иначе, даже если бы и захотел. Такое проходит только с возрастом.

Я же, на моем собственном этапе взросления, не могла не произнести слов, от которых не будет пользы:

— Об этом сказано в Анналах. Твой отец и Капитан ничего не выдумывали.

Он и в это не желал поверить. Я решила не продолжать разговор. Каждый из нас научится уважать Анналы, но придет к этому своим путем и в свое время. В слишком уж плачевном мы оказались положении, чтобы должным образом чтить традицию. Старая Команда угодила в ловушку на каменном плато Блισταющих Камней, только двоим братьям удалось пережить эту катастрофу, а потом еще

и Кьяулунские войны. Гоблин и Одноглазый плохо годятся для того, чтобы передавать новобранцам отрядную мистику. Одноглазый слишком ленив, а Гоблин — косноязычен. Я же была еще практически салажонком, когда Старая Команда, осуществляя давнюю мечту Капитана, рискнула отправиться на плато в поисках Хатовара.

Но старик Хатовара не нашел. Думаю, на самом деле он там искал что-то другое.

Дивные дела: мне всего-то-навсего двадцать лет, а я уже ветеран Отряда. Мне едва исполнилось четырнадцать, когда Бадья взял меня под свое крыло... Но я никогда не была похожа на Тобо. В четырнадцать я уже была древней старухой. За годы, прошедшие после того, как Бадья спас меня, я только помолодела...

— Что?

— У тебя глаза вдруг стали злыми. Я спросил почему.

— Вспоминала себя четырнадцатилетнюю.

— Девчонки все переживают легче...

Тобо прикусил язык. Его лицо мгновенно вытянулось, более заметны стали черты, доставшиеся от отца-северянина. Хоть он и самонадеянный маленький засранец, с мозгами у него порядок. Способен понять, что не стоит ворошить гнездо ядовитых змей.

— Когда мне было четырнадцать, Отряд и нюень вместе сидели в Джайкуре. — Я не сказала мальчику ничего нового. — Или в Дежагоре, как его называли местные. — Остальное уже не имело значения, оно благополучно кануло в прошлое. — У меня теперь почти не бывает кошмаров.

Рассказов об осаде Джайкура Тобо уже наслушался досыта. Его мать, бабка и дядюшка Дой тоже побывали там.

— Гоблин обещает, что эти «катышки» нам понравятся, — прошептал Тобо. — Не только ведьминых огней понаделают, но и разбудят кое у кого совесть.

— Значит, это и впрямь нечто из ряда вон.

В наших диспутах совесть упоминалась крайне редко. С любой стороны.

— Ты правда знала моего папашу?

Рассказы о знаменосце Отряда Тобо слышал на протяжении всей своей жизни, но в последнее время проявлял к этой теме повышенный интерес. Мурген для него уже не просто символ, не вызывающий никаких чувств.

Я повторила сказанное не единожды:

— Он был моим командиром. Научил меня читать и писать. Хороший был человек. — Я негромко рассмеялась. — Насколько можно быть хорошим, принадлежа к Черному Отряду.

Тобо замер. Глубоко вздохнул. И спросил, глядя куда-то в сумрак над моим левым плечом:

— Вы были любовниками?

— Нет, Тобо. Мы были друзьями. Почти. Он и узнал-то, что я женщина, аккуратно перед тем, как отправился на плато Блистающих Камней. А я не догадывалась об этом, пока не прочла его Анналы. Никто не знал. Все считали меня смазливym пареньком, которому не повезло вырасти повыше. Я не разубеждала. Считала, что так безопаснее.

— Угу...

Голос у него был настолько бесцветный, что я просто не могла не поинтересоваться:

— Почему спрашиваешь?

Конечно, у него не было причин полагать, что до нашего знакомства я вела себя не так, как сейчас. Он пожал плечами:

— Просто хотел узнать.

Просто, да не просто... Небось у Гоблина и Одноглазого эту манеру перенял. Любят они приговаривать: «Посмотрим, что из этого выйдет» — например, когда испытывают самодельные яды в словновых дозах.

— Ладно, это твое дело. Ты оставил «катышки» за театром теней?

— Все сделал, как мне велели.

В театре теней используют плоских кукол на палках. У артистов есть движущиеся конечности с бечевками. Свеча, расположенная позади, отбрасывает тени на белую ткань. Кукловод манипулирует куклами и говорит за них разными голосами. Если зрители останутся довольны, ему бросят несколько монет.

Этот кукловод давал представления на одном и том же месте уже больше двадцати лет. Ночевал он у себя под сценой. И вообще жил припеваючи — по сравнению с большинством бездомных обитателей Таглиоса.

Он был стукачом. В Черном Отряде его не любили.

Его пьесы по большей части основывались на мифах и так или иначе были связаны с циклом Кади. В каждой непременно участвовала эта многорукая богиня, без усталости пожиравшая демонов.

Конечно, демон был один, он лишь появлялся в разных сценах. Почти как в реальной жизни, где демон приходит снова и снова.

Сначала чуть окрасилось небо над крышами на западе. Потом раздался душераздирающий крик. Люди останавливались, чтобы поглазеть на разгорающийся оранжевый свет и подсвеченный оранжевым дым, который повалил из-за кукольного театра. Жгуты дыма сплетались в известную всем эмблему Черного Отряда — клыка-

стый череп без нижней челюсти, выдыхающий пламя. В левой глазнице тлел огонь — будто алый зрак заглядывал в самую душу зрителя, выискивая то, чего человек боялся пуще всего.

Созданное дымом недолговечно. Прежде чем рассеяться, он успел подняться на десять футов. Но оставил после себя испуганное молчание. Сам воздух, казалось, шептал: «Воды спят».

Снова жалобный вой и вспышка. Вознесся второй череп. Этот был серебряный с голубоватым оттенком. Он просуществовал дольше и поднялся на дюжину футов выше. И прошептал: «Мой брат не отмщен».

— Сюда идут серые! — прокричал кто-то достаточно высокий, чтобы видеть поверх чужих голов.

Маленький рост позволяет мне с легкостью затеряться в толпе, но зато я не вижу того, что происходит вне ее.

Серые всегда где-то рядом, однако против такого рода беспорядков они бессильны. Наша акция может случиться где угодно и когда угодно, и среагировать они не успеют. Для них же лучше, если они не окажутся поблизости, когда заговорит «катышек». Серые это понимают. Они просто ломятся в толпу. Протектора необходимо ублажать, а еще нужно кормить собственных детей, маленьких шадаритов.

— И еще разок! — шепнул Тобо, когда появились четверо серых.

За театром грянул пронзительный визг. Кукловод выскочил наружу, развернулся и привалился к ширме, разинув рот. Возникло сияние, уже не такое яркое, но продержавшееся дольше. Образ, сотканный из дыма на этот раз, был сложней и прочней предыдущих. Сущее чудовище. Но чудовище не абы какое, а знакомое шадаритам.

— Ниасси... — пробормотал один из серых.

Ниасси — главный демон в шадаритской мифологии. Похожая нечисть, только с другим именем, существует и в гуннитских верованиях. Ниасси возглавляет внутренний круг демонов, куда собраны наиболее могущественные. Шадариты, будучи отколовшимися от культа Ведны еретиками-сектантами, верят в посмертное наказание, но допускают и существование ада на земле, ада наподобие гуннитского, где заправляют демоны во главе с Ниасси и куда попадают самые отъявленные грешники.

Серые смекнули, что над ними издеваются, но тем не менее заколебались. Мы им преподнесли нечто новенькое, ужалили с неожиданной стороны в чувствительное место. К тому же по городу уже пробежала мощная волна слухов, которые увязывали серых с гнусными ритуалами, якобы практикуемыми Душелов.

Пропадают дети. Логика подсказывает, что по-другому и быть не может в таком огромном и многолюдном городе, даже если никакие злобные монстры не прикладывают к этому руку. Малыши бродят где хотят, вот и теряются. Но если увязать все воедино, искусно распространив нужные слухи, то слепые случайности обернутся расчетливыми преступлениями. И тогда вполне мирные, добропорядочные люди озвереют и перестанут верить властям.

Их память станет избирательной.

Нам не зазорно подбрасывать горожанам любую ложь о наших врагах.

Тобо выкрикнул что-то оскорбительное. Я схватила его за руку и потащила к нашему логову. Люди уже осыпали стражей руганью и насмешками. Брошенный Тобо камень угодил серому в тюрбан.

Темнота не позволила этим четверым разглядеть наши лица.

Серые взяли на изготовку бамбуковые палки — настроение толпы становилось опасным. Как тут не заподозрить, что не один лишь образ демона тому причиной? наших отрядных колдунов я знаю как облупленных. Знаю и то, что таглиосцы — люди хладнокровные, они умеют держать себя в руках. Чтобы жить в такой неестественной скученности, требуется огромный запас терпения и железный самоконтроль.

Я огляделась в поисках ворон, летучих мышей или других шпионов Протектора. Ночью мы рискуем несравнимо больше, чем днем, потому что в темноте трудно обнаружить этих соглядатаев. Я крепче вцепилась в руку Тобо:

— Ты не должен был этого делать. Знаешь же, что в темноте выползают Тени.

Мои слова не произвели на него ни малейшего впечатления.

— Гоблин будет счастлив. Он так долго возился с этой штукой, и она сработала отлично.

Серые засвистели, вызывая подкрепление.

Четвертый «катышек» тоже выпустил дымный призрак, но мы его уже не увидели. Я протащила Тобо через все ловушки для Теней, расставленные между кукольным театром и нашим штабом. Мальчишке предстоит объясниться с некоторыми его «дядями». Тем из нас, для кого паранойя по-прежнему образ жизни, предстоит выполнить важную задачу — придать остроту многочисленным блюдам нашей мести. С Тобо нужно провести серьезную разъяснительную работу. Умный советник сделает так, что от энергии мальчишки будет больше пользы.

Сари вызвала меня вскоре после нашего возвращения. Не для того, чтобы сделать выговор за нелепый риск, которому при моем попустительстве подверг себя Тобо. Нет, она просто хотела сообщить, что собирается перейти к следующему этапу. Возможно, когда-нибудь Тобо попадет в такой серьезный переплет, что с перепугу возьмется за ум. Жизнь в подполье — суровая учительница, она редко дает второй шанс. Тобо должен крепко-накрепко зарубить это на своем носу.

Конечно, Сари допросила меня с пристрастием обо всем, что произошло в городе, и постаралась довести до сведения Гоблина и Одноглазого, что она недовольна и ими тоже. Тобо отсутствовал и не имел возможности защищаться.

Гоблина и Одноглазого ее упреки оставили равнодушными. Колдунам такие пигалицы не страшны, даже накинься они на наших старикашек ордой в сорок голов. Вдобавок эти двое считали, что добрая половина проделок Тобо лежит исключительно на его совести.

— Сейчас буду вызывать Мургена, — сказала Сари.

Прозвучало это без воодушевления. С Мургеном она общалась крайне редко, и всем нам хотелось бы знать почему. Их с Мургеном связывала настоящая романтическая любовь, какая бывает в легендах, со всеми атрибутами этих бессмертных историй: пренебрежение волей богов, разочарование родителей, горькие разлуки и счастливые воссоединения, интриги недоброжелателей и все такое прочее. Оставалось лишь одному из них сойти в царство мертвых, чтобы спасти другого. Вот и спровадили Мургена в холодный подземный ад... Наша безумная колдунья Душелов такая затейница! Он и все остальные Пленные не мертвы, но и не живы, пребывают в оце-

пенении под блистающей каменной гладью. И о том, где они очутились и при каких обстоятельствах, мы узнали лишь благодаря способности Сари вызывать дух Мургена.

Может, проблема в этом самом магическом оцепенении? Сари с каждым прожитым днем все старше, а Мурген — нет. Может, она боится, что станет дряхлее его матери к тому времени, когда мы освободим Пленных?

Посвятив годы изучению истории, я пришла к выводу, что она почти всегда порождается личными интересами, а вовсе не борьбой за темные или светлые идеалы.

Давным-давно Мурген научился во сне покидать свою брэнную плоть. Способность эту он сохранил, но, увы, она была ослаблена сверхъестественными условиями его заключения. Даже в качестве призрака он не может самостоятельно выбраться из пещеры старцев — его непременно должна вызвать оттуда Сари — или другой некромант, знающий, где он находится.

Дух Мургена — превосходный разведчик. Вне нашего круга никто, кроме Душелов, не способен обнаружить его присутствие. Благодаря Мургену мы узнаем все замыслы врагов — разумеется, тех из них, кто настолько могуществен, что их замыслами стоит интересоваться. Это достаточно сложный процесс, он имеет ряд ограничений, но все же Мурген едва ли не самое мощное наше оружие. Без него мы бы попросту не выжили.

А Сари сегодня почему-то совсем не желает вызывать его.

Одни боги знают, как это трудно — сквозь года и невзгоды пронести свою веру. Многие наши братья утратили ее и ушли, затерялись в объявшем империю хаосе. Некоторые, возможно, снова оодушевились бы, добейся мы достаточно громкого успеха.

Сари пришлось в жизни тяжело. Она потеряла двоих детей — такую боль матери нелегко снести, даже если она никогда не любила их отца. Его она потеряла тоже, но от этой утраты страдала мало. Никто из помнивших этого человека не сказал о нем доброго слова. Вместе со всеми нами она терпела лишения в осажденном Джай-куре.

Может быть, Сари — и все нюень бао — чем-то страшно разгневала Гангешу. Или этот бог со слоновьими головами любит шутить злые шутки со своими приверженцами. Кина уж точно потешается, когда ее розыгрыши заканчиваются смертью ее же фанатиков.

Гоблин и Одноглазый обычно не присутствовали при явлениях Мургена. Сари не нуждалась в их помощи. Ее мастерство было

ограниченным, но сильным, а эти двое только и способны, что мешать, сколько бы ни тужились вести себя прилично.

Однако на этот раз наши ископаемые оказались здесь, и я сделала вывод, что затевается нечто необычное. До чего же они стары! Наверное, уже и счет годам потеряли. Держатся только благодаря своему мастерству. Одноглазому, если Анналы не лгут, уже далеко за двести, а его «юный» друг моложе меньше чем на век.

Оба они, мягко говоря, ростом не вышли. Оба ниже меня и никогда не были выше, даже задолго до того, как превратились в иссохшие ходячие мощи, что случилось, наверное, в пятнадцатилетнем возрасте. Я даже представить себе не могу Одноглазого молодым. Должно быть, он родился уже старикашкой и в этой дурацкой шляпе — второй такой же уродливой и грязнящей на всем белом свете не сыщешь.

Может, Одноглазый только благодаря этой шляпе и прожил столь долгий век? Может, это такое проклятие? Шляпе он служит конем и потому не может умереть?

Заскорузлый смердящий кусок войлока полетит в ближайший костер еще до того, как тело Одноглазого перестанет содрогаться в смертных конвульсиях. Все ненавидят его шляпу.

Но пуце всех шляпу ненавидит Гоблин. Считает своим долгом прицепиться к ней всякий раз, когда между ним и Одноглазым завязывается перебранка, а происходит это почитай при каждой их встрече.

Одноглазый — маленький, черный и морщинистый. Гоблин — маленький, белый и морщинистый. Лицом он похож на сушеную жабу.

Одноглазый не забывает напомнить об этом каждый раз, когда они начинают браниться, а происходит это почти всегда, когда имеются в наличии зрители. Зрители, не желающие их разнять.

Нужно признать, что в присутствии Сари колдуны стараются вести себя прилично. У этой женщины особый дар, она пробуждает в людях все лучшее. Что, правда, не относится к ее матери. Впрочем, если дочери нет поблизости, Тролль брюзжит куда больше.

К счастью для нас, мы редко видим Кы Готу. За это надо благодарить ее больные суставы. Тобо помогает ухаживать за ней — таким образом мы цинично эксплуатируем его удивительную невосприимчивость к ее сарказму. Мальчика она нежно любит, не то что ее отца, гадкого чужеземца.

Сари объяснила мне:

Содержание

ХРОНИКИ ЧЕРНОГО ОТРЯДА Книги Мертвых

Воды спят. <i>Перевод Б. Жужунавы</i>	5
Солдаты живут. <i>Перевод А. Новикова</i>	487

Кук Г.

К 89 Хроники Черного Отряда. Книги Мертвых : романы / Глен Кук ; пер. с англ. Б. Жужунавы, А. Новикова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 1040 с. — (Звезды новой фэнтези).

ISBN 978-5-389-11481-4

Лучшее наемное войско в мире разгромлено. Уцелела лишь горстка бойцов, они тайно живут в новой империи, созданной Черным Отрядом и доставшейся его заклятому врагу. Этот враг невероятно силен, он в совершенстве постиг черную магию, но солдаты решили идти до конца. В Таглиосе, столице империи, они копят силы, чтобы выполнить две задачи: отомстить тем, кто их предал, и освободить своих братьев, заточенных в крепости за Вратами Теней. В той самой крепости, где Кина, богиня Тьмы, дожидается Гола Черепов — чтобы получить свободу и свершить гибельный для многих миров ритуал.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

ГЛЕН КУК

ХРОНИКИ ЧЕРНОГО ОТРЯДА КНИГИ МЕРТВЫХ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валерий Камендо, Елена Шнитникова,
Дмитрий Капитонов

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 19.12.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 65. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ZNF-19510-01-R